

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Н. П. Анисимова

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Исследуя современные французские лингвистические теории, мы пришли к различению двух типов построения теоретической модели, протекающих из двух типов семиотических систем, на которых эти модели основаны [1]. Речь идет о моделях тривиума и триады, «порождающих» два разных подхода к процедуре создания лингвистической теории. Тривиумная модель исторически связана с наблюдением и анализом фактов языка – сначала «правильных» языков – латыни и греческого, а затем и новых европейских языков, начиная с эпохи Возрождения. Триадаическая модель, разработанная, прежде всего для логики и философии, не предполагает изначально анализа языка как факта культуры, но пользуется языковым материалом в качестве иллюстрации теоретических положений. Соответственно, с точки зрения процедуры теоретизирования представляется возможным различать *аппликативную лингвистику*, восходящую к модели тривиума, и *лигатиивную лингвистику*, базирующуюся на модели триады. По отношению к данной дихотомии французская лингвистическая традиция исторически укоренена в тривиумную модель и, как показывает анализ, стремится сохранить этот подход и в решении проблематик, характерных для триадаической модели (генеративно-трансформационная грамматика, прагматика, когнитивизм). Рассмотрим более подробно подходы авторов наиболее значимых французских лингвистических теорий к принципам теоретизирования в науке о языке.

В работе, посвященной диахронической фонологии, озаглавленной «Принцип экономии фонетических изменений» (*Economie des changements phonétiques*) [6] (русский перевод – 1960 г.), основоположник структуралистского функционализма А. Мартине излагает свои взгляды на эпистемологию лингвистики и методы своей концепции. Он решительно отмежевывается от дескриптивного, описательного подхода в лингвистике: «... недостаточно лишь излагать факты, следует также их объяснять, выявлять их причину» [Op. cit.: 17]. Он называет свой подход «объяснительным структурализмом» (*structuralisme explicatif*), выступая против всякого телеологического или финалистического толкования языкового феномена. «Важно не просто приклеить этикетку на то или иное явление, но корректно наблюдать и толковать языковые процессы» [Op. cit.: 18]. На этой же странице он призывает лингвистов осознать самостоятельность своей дисциплины и избавиться от комплекса неполноценности, в результате которого они пытаются привязать свои изыскания к какому-то великому философскому

принципу, что приводит лишь к искажению реальности. Представляется очень важной формулировка методологических принципов, на которых, по мнению А. Мартине, основывается лингвистика и которые он считает основополагающими для гуманитарных наук. В отличие от математики или логики, для которых в основе анализа лежит гипотетико-дедуктивный метод, лингвистика должна основываться на гипотезе, *базирующейся на фактах* (здесь и далее выделено мной – Н.А.). Другими словами, существует некая диалектика, постоянная динамическая связь между реальностью и теорией, которую он именуется построением *эмпирико-дедуктивной* модели. Он подчеркивает в одном из интервью: «Двойное членение – это не гипотетико-дедуктивная модель; но, в определенном смысле, модель эмпирико-дедуктивная» (цит. по [7: 166]). Именно наблюдение над языковыми фактами является первым шагом к построению гипотезы, которая должна быть основана на действительности и проверена ею. В этом заключается один из принципов подхода А. Мартине, обеспечивающий *реализм* его концепции. Он выводит два основных критерия, по которым определяется адекватность теории: это внутренняя связность и непротиворечивость - и ее тождественность своему объекту [Op. cit.: 167].

Теория Г. Гийома, как замечают исследователи, трудно поддается классификации. С одной стороны, она явно вписывается в парадигму структурализма, а с другой – предвосхищает целый ряд направлений в лингвистических исследованиях, которые получают свое развитие гораздо позднее: генеративизм, когнитивизм, теория высказывания. В отношении метода Г. Гийома следует отметить, что абсолютизация изначальной идеальной гипотезы сближает его с методами когнитивизма и генеративизма, основывающимися на внутренней языковой интуиции. Однако его взгляды на построение лингвистической теории позволяют увидеть его стремление к созданию реалистичной, связанной с языковыми фактами модели. Г. Гийом различает два способа построения теории: первый, лежащий в основе теоретизирования в экспериментальных науках, принимает за точку отсчета наблюдение за фактами, после чего строится рабочая гипотеза, проверяемая затем также фактами. Для лингвистики такой подход нерелевантен, поскольку он предполагает слишком большое разнообразие возможных гипотез. По Г. Гийому, лингвистическая теория исходит из абсолютной идеи, «неизбежного обыденного мышления», упорядочивающих психо-механических принципов. Построив теорию, лингвист проверяет ее на фактах языка, которые ее подтверждают или опровергают. «Теория, высшая точка понимания (*superlatif du comprendre*), должна для меня соответствовать следующим обязательным условиям: идти навстречу фактам ..., но исходить не из факта, но из абсолютной, неизбежной потребности (*une exigence absolue, inévitable*), и идти вперед от одной абсолютной потребности к другой навстречу фактам... Достоверность теории в данном случае имеет два основания: ее изначальная принадлежность к неизбежному ..., а потом ее *проверка фактами*. Другими словами, двойная провер-

ка правильной исходной точки и подтверждение ее *верности фактами* на последнем этапе» [5: 48-49].

Теория Б. Потье представляет собой пример структуралистской интерпретации генеративно-трансформационного подхода, преодолевающего такие недостатки канонического структурализма как статизм, антиреференциальность, забвение человеческого фактора, приоритет формы. В своих теоретических построениях Б. Потье предпочитает краткое, четкое схематизированное изложение словесной риторике. Очевидна связь его общетеоретических построений с материалом естественных языков. В этом отношении, несмотря на высокую степень абстрактности модели, подход Б. Потье также относится, на наш взгляд к аппликативному, а не лигативному типу. Б. Потье убежден, что в языках разработаны механизмы, способные реализовать задачи, необходимые для осуществления языковой коммуникации. При построении модели различаются четыре уровня [8: 59]:

а) *референциальный уровень* – реальный или воображаемый мир (объекты, сны, память о высказываниях других, фотографии, ...);

б) *концептуальный уровень* – уровень ментального сечения, репрезентации, построенной, исходя из референциального, основанной как на социальных навыках, так и на индивидуальных творческих потребностях;

в) *уровень естественного языка*, соответствующий совокупности языковой компетенции;

г) *уровень готового текста* – результирующая различных составляющих (языковой, когнитивной, контекстуальной, ситуационной, интенциональной), коррелирующей с другими семиологическими системами (жесты, проксемика, иллюстрация ...).

Между референтным миром и областью естественного языка находится область концептуального. Ономазиологический подход предполагает в качестве точки отсчета восприятие, затем происходит процесс концептуализации, затем в определенный момент анализ выходит на уровень языка. Между довербальным и языковым имеется разрыв, некий «методологический скачок», «черный ящик», в который Б. Потье не решается заглядывать. Для него концептуализация – это построение системы концептов – *ноэм*. Это работа лингвиста. На чем основывается лингвист в своих размышлениях? На опыте и на *интуиции*. Приведем одно из его высказываний по этому поводу: «Для меня это тайна, одна из великих тайн мозга, когда вы видите что-то, чего вы никогда не видели, вы это себе *представляете*, это – воображаемое. ... есть еще и другое, что еще более сложно, но это не противоречит интуиции. Существуют *уровни абстракции*, и я возвращаюсь здесь к Сводешу, Вайнрайху и другим» [10: 149].

На концептуальном уровне Б. Потье различает *общие концепты* (*les concepts généraux*) и *универсальные концепты* (*les concepts universaux*). Первые представляют живые и неживые объекты действительности (дискретное восприятие мира), а также присущие им свойства и действия (обшечеловеческий опыт). Вторые – это абстрактные реляционные репрезен-

тации опыта, которые принимают очень разнообразные формы в естественных языках [9: 71]. Все эти концепты имеют *естественную* составляющую и *культурную* составляющую.

Универсальные концепты – это *ноэмы*, *неизбежные смысловые признаки* (*les traits de sens inévitables*), сравнимые с «неизбежным» обыденным мышлением Г. Гийома. Таким образом, *ноэма* выступает как абстрактное универсальное отношение, на котором основываются общие семантические языковые операции; ее можно представить дидактически (*il est visualisable*), чтобы как можно более приблизиться к взаимной (разделенной) интуитивной ментальной репрезентации (*afin de se rapprocher le plus possible de l'intuition d'une représentation mentale partagée*) [Op. cit.: 85]. В процессе семиотизации, по мнению Б. Потье, знак естественного языка должен отвечать двум требованиям адекватности: референциальной (он должен содержать признаки реального или воображаемого мира) и структурной (он должен быть правильным – *pertinent*, дистинктивным в своей семеме по отношению к признакам других знаков [Op. cit.: 121].

«Устремления высказывания» (*visées énonciatives*), «одевающие» информативный скелет аналитической схемы, контролируют создание высказывания. Б. Потье утверждает, что в большинстве языков разработаны указания на необходимые условия высказывания (пространство, время, процесс, знание, определенность, пол, число...), отраженные в грамматической морфологии [Op. cit.: 157]. Они, по мнению Б. Потье, отражают ряд больших семантических разделов: актанты, определенность, вид, время, модальность. Первые четыре тесно связаны и имеют корреляты в языках, модальность также относится к ним.

Таким образом, мы видим, что в своем стремлении создать общую семантическую модель Б. Потье постоянно апеллирует к материалу естественных языков, обеспечивая реалистичность своей теории.

Наиболее ярким примером теории аппликативного типа в современной французской лингвистике является, на наш взгляд, теория операций высказывания А. Кюльоли. В отличие от Г. Гийома он исходит не из «абсолютной идеи», но из наблюдений над фактами естественных языков (заметим, кстати, что его ученики много работают над материалом русского языка – благодаря его исключительному богатству, гибкости и полиформности). Этот материал служит основой для создания абстрактной модели, которая перепроверяется в дальнейшем материалом как можно большего количества языков. Таким образом, производится некая челночная процедура: язык – абстрактная модель – язык. Построение теории А. Кюльоли может быть представлено схематически в трех уровнях [2: 42], см. таблицу.

Объект психологии соответствует уровню 1; то, что наблюдаемо (языковые формы) (O_i) – уровню 2; лингвистическая теория (C_i) – уровню 3. Интеллектуальная механика (M_i) получает статус черного ящика. Основная черта подхода А. Кюльоли состоит в том, что он не строит *никакой психологической гипотезы*: психология – это область психолога, недоступная

для лингвиста. Свою программу он формулирует так: «Нам нужно моделировать (*simuler*) отношение операции – маркеры с помощью металингвистического построения» [4: 6-7].

Таблица

Уровень 1	Уровень 2	Уровень 3
операции	маркеры	металингвистические представления
	представители 1	представители 2
Mi	Oi	Si

Следовательно, если уровень 3 есть знание уровня 1 (поскольку уровень 2, знанием которого является уровень 3, есть также знание уровня 1), это не является психологией. Психология – это представления уровня 2. Психологические термины, которые употребляет, например, Г. Гийом (*мысль, идея, образ* и т.д.), не встречаются у А. Кюльоли. Он работает на металингвистическом уровне, то есть на уровне репрезентации языковой деятельности, что позволяет создать моделирующую гипотезу: «Мы предположим, что существует связь между тем, что происходит между уровнем 2 и 3 и между 2 и 1. Следовательно, я надеюсь, что, работая на отношении между уровнями 2 и 3, я, вероятно, смогу смоделировать операции уровня 1, то есть воспроизвести отношение между 1 и 2» [4: 7]. Как указывает С. Ору, А. Кюльоли решительно порывает с репрезентационализмом, столь широко распространенным в истории лингвистики [2: 45]: языковое высказывание рассматривается им как *результат*, а не как *репрезентация*. В терминологии А. Кюльоли форма – это *след* или *маркер* операции высказывания.

Объект исследования, таким образом, определяется как диалектическое отношение между языком (*langage*), понимаемым как «универсальная способность продуцировать и интерпретировать тексты» [3: 83] и языками (*langues*) – системами, организованными по своим собственным законам, следы которых эмпирически наблюдаемы в форме речевых произведений. При этом отбрасывается как «искусственная» дихотомия «язык – речь», а исследование проводится, исходя из «самого глубокого уровня», называемого *примитивными отношениями*, в направлении поверхностной структуры. На этом пути вырабатываются правила, которые определяются далее как семантико-синтаксические, что позволяет квалифицировать данный подход как *грамматику продуцирования* в отличие от грамматики *узнавания* [11: 596]. За точку отсчета принимаются наблюдения над конструкциями поверхностной структуры с тем, чтобы соотнести их с устройством примитивной схемы, а затем, на этой базе вновь вернуться к поверхностной структуре, образуя таким способом «парафрастические семьи» или «гнезда» (*familles de paraphrases*). Основное видимое противоречие данного подхода заключается в том, что они допускают множественность интерпрета-

ций. Однако это противоречие мнимое, поскольку речь идет о внутренней диалектике, присущей языковой деятельности: она допускает обобщение и возможность перевода с одного языка на другой, следовательно, ее источником являются некие общие, универсальные операции, называемые *схемами порождения* (*schémas d'engendrement*).

Следует отметить в высшей степени оригинальный подход А. Кюльоли: с одной стороны он не принимает жесткого дескриптивного метода структуралистов, а с другой – его теория отмежевывается как от логицизма американского варианта генеративных и трансформационных грамматик, так и зачастую бесконтрольного прагматизма коммуникативного подхода. При этом его теория остается теорией *порождающей*, формализованной и основанной на коммуникативном подходе. Действительно, термин *операции высказывания* должен быть уточнен в том смысле, что А. Кюльоли вкладывает в понятие *высказывания* иной смысл, нежели последователи французского варианта теории, восходящего к Э. Бенвенисту, которые трактуют этот процесс как индивидуальный акт говорящего, приводящий в действие «формальный аппарат высказывания». В противоположность этому подходу, выводящему говорящего за рамки языка, А. Кюльоли рассматривает его как продукт операций высказывания, составляющих его механизм [4: 1-3]. В этом смысле данная теория не относится к прагматическим, но она учитывает также факторы, традиционно исследуемые прагматикой: просодию, интонацию, дискурсивные слова. Учет такого рода феноменов А. Кюльоли называет «интегрированной прагматикой». Его подход может быть квалифицирован как *теория операций предикации и высказывания* [Ibid.]. Как нам представляется, этапы построения высказывания в ней в принципе соотносимы с этапами порождения генеративно-трансформационной грамматики: присутствуют операции предикации, моделизации и т.д., однако, отличается сам принцип работы лингвиста.

Ориентация теории А. Кюльоли в отношении принадлежности к научной парадигме представляет особую сложность. Основной ее характеристикой является, как нам представляется, *альтернативный синтез* подходов структурализма (присутствуют понятия системности, ценности, референции, дихотомии «язык – языковая деятельность» и др.); генеративизма (порождение высказывания происходит через ряд этапов, начиная с глубинного уровня по направлению к поверхностной структуре); когнитивизма (исследование выводит на металингвистический уровень, моделирующий глубинные психические процессы); функционализма (в понимании И.П. Сусова) (главными действующими лицами и творцами языкового высказывания являются участники коммуникации). При этом все эти подходы получают *альтернативную* интерпретацию, диалектически переплетаясь. Как мы уже указывали, отличительной чертой современных лингвистических концепций является стремление к расширению центров интереса, вовлеченных в поле исследования. Так, в концепции А. Кюльоли анализируются такие проблемы как *язык и мир* (проблемы номинации); *язык и мыш-*

ление; внутренняя организация языка; язык и психология (в силу когнитивного характера теории); язык как знаковая система; языковые универсалии; язык как основное средство коммуникации. Конечно, интерес к этим проблематикам неравный: так, даже в ходе эволюции теории наблюдается «крен» в сторону исследования диалектического соотношения языковых универсалий и их выражения в конкретных языках. Соотношение «язык – мир» рассматривается через призму референциальных координат операции высказывания. Как видим, наблюдается своеобразное диалектическое «наложение» центров интереса.

Что же касается принципов построения модели, то, как уже указывалось, данная теория представляет образец оригинального диалектико-синтетического подхода. Вместо нейтрального теоретизирования в основу положено эмпирическое наблюдение над фактами языка (*théorie de l'observation*), что приводит далее исследователя к выявлению механизмов, лежащих в их основе, и применению построенных им гипотез к анализу нового языкового материала. Таким образом, гипотеза строится на объективных языковых фактах с тем, чтобы дальнейшее исследование оставалось на реальной почве и проходило проверку через призму языков во всем их разнообразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Н.П. Современные французские семантические теории (историко-эпистемологический анализ): Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 196 с.
2. Auroux S. La philosophie linguistique d'Antoine Culioli // La théorie d'A. Culioli. Ouvertures et incidences. Actes de la table ronde. – Paris: OPHRYS, 1992. – P. 39-59.
3. Culioli A. Sur quelques contradictions en linguistique // Communications. – Paris: Le Seuil, 1973. – P. 83-91.
4. Culioli A. Notes du séminaire du D.E.A. [Transcription du séminaire de D.E.A. 1983-84] – Paris: Université Paris VII, D.R.L., 1985. – 111 p.
5. Guillaume G. Principes de linguistique théorique. – Québec: Presses de l'Université de Laval; et Paris: Klincksieck, 1973 (rééd. 1991) – 276 p.
6. Martinet A. Economie des changements phonétiques: traité de phonologie diachronique. – Berne: Francke édit., 1955 (rééd. 1970). – 396 p.
7. Mounin G. La linguistique du XX-ème siècle. – Paris: PUF, 1972. – 253 p.
8. Pottier B. Théorie et analyse en linguistique. – Paris: Hachette, 1987. – 224 p.
9. Pottier B. Sémantique générale. – Paris: PUF, 1992. – 237 p.
10. Pottier B. Débats, 2001:118 // La Linguistique. – 1996. – Vol. 32, Fasc. 1. – P. 143-176.
11. Vignaux G. Entre linguistique et cognition: des problématiques de l'énonciation à certains développements tirés de l'oeuvre d'Antione Culioli // Langue et langage. Problèmes et raisonnement en linguistique. Mélanges offerts à A.Culioli. – Paris: PUF, 1995. – P. 564-581.